

СЛУЖБА ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

Секретныя командировки офицеровъ.

Для выясненія общихъ заключеній о качествахъ иностранныхъ армій, для детальныхъ развѣдокъ разнаго рода мѣстныхъ предметовъ, сооружений и техническихъ подробностей, приходится отъ времени до времени тайно командировать въ сосѣднія страны специалистовъ. Эти порученія обыкновенно возлагаются на офицеровъ, по преимуществу генеральнаго штаба и техническихъ войскъ.

Еще недавно поѣздки эти не представляли особенныхъ трудностей, такъ какъ совершались сравнительно рѣдко въ Европѣ, а въ государствахъ Средней и Малой Азіи представляли лишь опасности для жизни и затрудненія чисто физическаго свойства.

Особенно много производилось такихъ развѣдокъ въ малокуль-

турныхъ странахъ русскими и англійскими офицерами въ XIX столѣтїи, въ періодъ нашего поступательнаго движенія въ Туркестанъ и на Кавказъ.

Не зная въ точности положенія дѣлъ въ Средней Азіи и опасаясь, если не похода русскихъ въ Индію, то во всякомъ случаѣ проникновенія нашихъ товаровъ въ Хиву, Бухару, Кокандъ, Фергану, Афганистанъ и Персію, англійское правительство, начиная съ 1824 г., начало посылать періодически, преимущественно черезъ Индію и Персію, подъ видомъ путешественниковъ, офицеровъ, состоявшихъ на службѣ въ предприимчивой остъ-индской компаніи. Намъ стало извѣстно о появленіи въ ханствахъ Средней Азіи капитановъ: Муркфорта, Коноли, Борнса, Стренджа, Стоддорта Аббота, Шекспира и другихъ офицеровъ.

Муркфортъ въ 1824 г. проникъ черезъ Кабулъ и Балкъ въ Бухару съ большими богатствами и двумя орудіями, которыя онъ возилъ для своей защиты. Онъ былъ ограбленъ владѣтелемъ Кундузскимъ, а на возвратномъ пути умеръ, отравленный въ Бухарѣ.

Артуръ Коноли отличался особенною предприимчивостью и издалъ о пребываніи своемъ въ Бухарѣ крайне интересныя записки. Впослѣдствіи онъ вторично появился въ Бухарѣ, гдѣ былъ казненъ вмѣстѣ съ Стоддортомъ.

Лейтенантъ Александръ Борнсъ (Бернсъ) былъ отправленъ въ 1830 г. для изслѣдованія долины Инда, заключилъ торговый договоръ съ Синдскими владѣтелями и открылъ англійской торговлѣ путь по Инду до Центральной Азіи. Затѣмъ, въ 1837 г. Борнсъ дѣйствуетъ въ Кабулѣ, чтобы противопоставить персамъ во время ихъ похода на Герать Доссъ-Магомета. Борису усиленно помогалъ капитанъ Потинджеръ.

Стоддорта въ Бухарѣ ограбили и заключили въ тюрьму, но онъ вскорѣ принялъ магометанство и жилъ на свободѣ, отказываясь быть освобожденнымъ при посредствѣ русскихъ и настаивая, что выручить его могутъ только соотечественники. Онъ былъ казненъ, надоѣвъ всѣмъ своимъ безпокойнымъ характеромъ и оставивъ свои замѣтки на библии, о возвращеніи которой очень хлопотала его мать. Черезъ наше правительство библия была приобрѣтена въ Бухарѣ во время пребыванія тамъ нашей миссіи, подъ начальствомъ генеральнаго штаба полковника Игнатьева въ 1858 г.

Капитанъ Абботъ въ маѣ 1840 г. прибылъ изъ Хивы въ Ново-Александровское укрѣпленіе, а оттуда въ Оренбургъ. Имѣлъ ли

онъ намѣреніе, подобно Борнсу, возвратиться черезъ Россію или же стремился только осмотрѣть Каспійское море и наши тамъ укрѣпленія—неизвѣстно, но онъ письменно называлъ себя англійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при русскомъ дворѣ, былъ ограбленъ и израненъ, по приказанію хивинскаго хана, шайкою туркменъ, вырученъ русскими и отправленъ въ Петербургъ. Тутъ онъ не могъ дать яснаго отвѣта о томъ, чѣмъ занимался въ Хивѣ. Изъ *Journal Asiatique* за 1840 г. видно, что Абботъ, явившись къ хану хивинскому, предложилъ выкупъ русскихъ плѣнныхъ съ тѣмъ, чтобы на будущее время русскіе ни подъ какимъ видомъ не допускались въ хивинскія владѣнія, обѣщая за это наступательный и оборонительный союзъ съ Англіею. Но такъ какъ Абботъ не могъ представить какихъ-либо вѣрительныхъ грамотъ, ханъ вытолкалъ англійскаго капитана ударами ногъ и велѣлъ заключить въ темницу. Въ 1840 г. же вмѣстѣ съ возвращенными Хивою русскими плѣнными прибылъ въ Оренбургъ, тоже черезъ Ново-Александровское укрѣпленіе, и другой англійскій офицеръ Шекспиръ, отправленный въ Петербургъ и усиленно доказывавшій, что ему принадлежитъ честь освобожденія русскихъ плѣнныхъ, что было на самомъ дѣлѣ сдѣлано корнетомъ Айтовымъ.

Около 1830 г. любознательность просвѣщенныхъ мореплавателей дошла до учрежденія въ Оренбургѣ колоніи евангелическихъ миссіонеровъ, занимавшихся болѣе военными рекогносцировками и торговыми развѣдками, чѣмъ распространеніемъ христіанства, что и заставило наше правительство удалить ихъ.

Всѣ эти секретно командруемые англійскіе офицеры собирали на мѣстѣ необходимыя свѣдѣнія въ то время, какъ мы должны были ограничиваться неясными и неполными данными, собираемыми изъ экономіи только черезъ азіатцевъ, которые по невѣжеству, неумѣнію и изъ боязни не могли, конечно, доставлять ничего особенно важнаго. Главными нашими агентами являлись къ тому же магометане, которые неволью подчинялись вліянію средне-азіатскихъ владѣтелей, представлявшихъ въ мусульманскомъ мірѣ и высшую духовную власть, а потому обыкновенно были далеко неоткровенны въ своихъ показаніяхъ. Такимъ образомъ, наша освѣдомленность была очень неудовлетворительна въ то время, когда намъ было точно извѣстно, что предприимчивая остъ-индская компанія, обладающая громадными средствами, стремилась не только къ утвержденію своего торговаго вліянія въ Азіи, но даже къ расширенію своихъ

азиатскихъ владѣній. Мы также вполне ясно отдавали себѣ отчетъ, что законы Англiи, промышленность и богатство народа, склонность британцевъ дѣйствовать соединенными силами, обществами, наконецъ, корыстолюбiе азиатскихъ правителей—все это давало Англiи полную возможность утвердить свое влiяніе въ Средней Азiи и, упрочивъ тамъ свою торговлю, вредить Россiи невѣроятнымъ образомъ. Стоило только допустить возможность снабженiя англійскимъ оружіемъ и порохомъ хивинцевъ и туркменъ, ближайшихъ и самыхъ враждебныхъ сосѣдей нашихъ, а также и киргизовъ, чтобы убѣдиться въ необходимости противодѣйствiя замысламъ Англiи, агенты которой въ своихъ сочиненiяхъ вовсе не скрывали надеждъ завладѣть торговлею не только на пространствѣ между Индiею и Гиндукушемъ, но и рынкомъ Бухары, самымъ для насъ важнымъ въ Средней Азiи.

Поэтому, для возможности соперничества съ англійскою торговлею была учреждена, къ сожалѣнію скоро погибшая, своя русская коммерческая компанiя, а для наблюденiя за дѣятельностью британскихъ агентовъ и для изученiя загадочныхъ для насъ странъ Средней Азiи было секретно командировано нѣсколько офицеровъ. Изъ числа этихъ рекогносцеровъ особенно выдѣлился посланный оренбургскимъ генераль-губернаторомъ Перовскимъ подпоручикъ Виткевичъ ¹⁾. Сосланный въ 1824 г. по суду и конфирмаціи Цесаревича Константина Павловича за учрежденiе тайнаго общества «Черное братство» и сочиненiе возмутительныхъ писемъ и стиховъ въ одинъ изъ оренбургскихъ баталіоновъ безъ выслуги, онъ скоро обратилъ на себя вниманiе своимъ образованiемъ, талантливостью и быстрымъ изученiемъ мѣстныхъ языковъ. Въ 1831 г. унтеръ-офицеръ Виткевичъ, состоявшій уже въ оренбургской пограничной комиссіи, былъ отправленъ въ станъ султана, правителя средней части Меньшой Киргизъ-Кайсацкой орды, и, кочуя съ султаномъ, неоднократно оказывалъ русской власти дѣйствительныя услуги, ознаменованныя выдающеюся храбростью. Донесенiя его всегда были переполнены любопытными свѣдѣніями и замѣчанiями; до него никто не изучилъ такъ основательно киргизовъ и не вникалъ настолько глубоко въ ихъ жизнь. Въ 1834 г. по ходатайству графа Сухтелена, поддержаннаго Александромъ Гумбольдтомъ, Виткевичъ былъ произведенъ въ прапорщики. Въ 1835 г

¹⁾ «Военный Сборникъ» № 1, 1865 г. «Походъ въ Хиву», стр. 68, 69, 70.

«Историческій Вѣстникъ» № 5, 1905 г. «Предатель». Я. Полферова.

посланный для разузнанія о двухъ плѣнныхъ, находившихся по слухамъ у киргизовъ, онъ попалъ въ Бухару, откуда привезъ много цѣнныхъ свѣдѣній. Въ 1837 г. прапорщикъ Виткевичъ подъ видомъ хивинскаго купца былъ командированъ Перовскимъ въ Афганистанъ, съ задачею войти въ Кабулъ въ довѣріе къ Доссъ-Магомету, а затѣмъ проникнуть въ Персію, чтобы разузнать планы этихъ государствъ въ случаѣ нашего похода въ Хиву. Ему были даны только словесныя инструкціи, такъ какъ онъ нигдѣ не долженъ былъ обнаруживать, что отправленъ русскимъ правительствомъ. Переживъ неисчислимыя опасности и рядъ самыхъ смѣлыхъ и рискованныхъ положеній, изъ которыхъ Виткевичъ выходилъ только благодаря необыкновенной энергіи и поразительной находчивости, онъ достигъ Кабула, гдѣ и исполнилъ возложенное на него порученіе. Вернувшись въ Оренбургъ, онъ настолько поразилъ Перовскаго своимъ докладомъ и привезеннымъ матеріаломъ, что всемогущій оренбургскій правитель командировалъ его въ Петербургъ, чтобы лично представить Государю отчетъ о путешествіи и наглядно убѣдить Императора въ необходимости похода въ Хиву. Прибывъ въ столицу, Виткевичъ былъ принятъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, былъ пожалованъ орденомъ и денежною наградою, представленъ къ переводу въ гвардію; но затѣмъ, пробывъ въ столицѣ всего восемь дней, онъ неожиданно для всѣхъ застрѣлился, оставивъ краткую записку, что сжегъ весь добытый и составленный имъ матеріаль.

Въ періодъ съ 1840 по 1880 г., т. е. въ пору нашихъ завоеваній въ Средней Азіи, англійскіе развѣдчики дѣйствовали неудачно. Но во время нашего проникновенія въ Закаспійскую область и наша и англійская развѣдывательная дѣятельность опять достигла высшаго напряженія ²⁾. Съ 1881 по 1884 г. нашими офицерами, подъ видомъ путешественниковъ, были изучены дороги отъ Асхабада на югъ къ Афганистану, Хороссану, въ Мервъ, въ Хиву и Бухару. Весною 1884 г. нашъ инженеръ Лессаръ нашелъ возможность дополнить свои изслѣдованія въ южномъ направленіи путешествіемъ черезъ восточную часть юго-западной Туркменіи. Страна эта была извѣстна отчасти благодаря Шекспиру и Абботу, проѣхавшимъ ее по пути въ Мервъ въ 1840—41 гг., полковнику Гродекову, пересѣкшему Паропамизъ восточнѣ Кушки, и Петрусеву

²⁾ «Историческій Вѣстникъ» № 5, 1885 г. А. Н. Масловъ.

вичу, посѣтившему Герри-Рудъ. Осенью 1882 г. въ южную часть края секретно прїѣзжалъ англійскій военный агентъ, полковникъ Стюартъ. Въ то же время русскіе офицеры Гладышевъ и Хабаловъ, выѣхавъ изъ Мусхынъ-Аббада въ Бени-Кърызь, перевалили Борхутъ западнѣе перевала Хомбоу, прошли на Кизиль-Буласъ и вернулись черезъ Серахсъ. Въ 1882 же году въ Мервъ съ первымъ торговымъ караваномъ прибылъ поручикъ Алихановъ съ поручикомъ Соколовымъ и повѣреннымъ русскаго купца Коншина-Косыхъ. Благодаря Алиханову былъ присоединенъ Мервъ.

Одновременно дѣйствовали въ этомъ районѣ и англичане. Еще въ началѣ 1881 г. среди сарыковъ, сначала въ Пенде, а потомъ въ Юль-Отайгѣ появился человекъ подъ названіемъ Сія-Пушъ (въ черной одеждѣ), настойчиво уговаривавшій населеніе не завязывать сношеній съ русскими. Съ нимъ прїѣхало еще два индуса и афганецъ. Съ 1883 г. дѣятельность Сія-Пуша усилилась. Онъ сталъ посылать агентовъ въ Хороссанъ, стараясь сблизиться съ правительствомъ и предлагая переходъ въ персидское подданство мервцевъ и сарыковъ. Однако, въ религіозную его миссію никто не вѣрилъ, и политическіе происки его шли безуспѣшно. Ни денегъ, ни обѣщаннаго оружія у него не оказалось и іолотайскій Сары-ханъ арестовалъ его за неуплату денегъ за нанятую милицію въ 40 человекъ. Сія-Пушъ былъ выкупленъ мѣстными евреями и также загадочно скрылся, какъ появился. Про его энергію, настойчивость, знаніе мѣстныхъ языковъ, а главное фанатическую вражду къ русскимъ, еще въ 1906 г. въ Тегеранѣ персы рассказывали легенды, изъ которыхъ во всякомъ случаѣ можно было достовѣрно заключить, что Сія-Пушъ былъ офицеромъ англійскаго генеральнаго штаба.

Заканчивая краткій обзоръ дѣятельности секретно-командированныхъ офицеровъ въ некультурныя государства, нельзя не упомянуть про нашего развѣдчика, поручика Георгія Васильевича Новицкаго, во время нашихъ кавказскихъ войнъ ³⁾). Послѣ Турецкой кампаніи 1828—1829 г. графъ Паскевичъ рѣшилъ выработать общій планъ покоренія Кавказа, для чего приступилъ къ собранію возможно полныхъ и точныхъ историческихъ, этнографическихъ, статистическихъ и топографическихъ свѣдѣній. Отъ развѣдчиковъ-исполнителей, кромѣ знаній, требовались: неутомимость,

³⁾ «Русская Старина», 1878 г., кн. 2. «Георгій Васильевичъ Новицкій», стр. 278—296.

смѣлость, высокая добросовѣстность и значительная опытность. При штабѣ Кавказской арміи было нѣсколько старыхъ офицеровъ генеральнаго штаба, но Паскевичъ остановилъ свой выборъ на поручикѣ артилеріи Новицкомъ. Въ данной послѣдней инструкціи требовалось: сдѣлать общее обозрѣніе края на обоихъ склонахъ Кавказскаго хребта на всемъ протяженіи отъ истоковъ Кубани до Анапы, собрать свѣдѣнія о населеніи и составить маршруты путей, пролегающихъ вдоль и поперекъ хребта, составить карту страны, избрать мѣста въ окрестностяхъ Анапы для учрежденія станицъ и указать способы защиты отъ горцевъ, сдѣлать заключеніе о выгодахъ и неудобствахъ поселенія, сдѣлать выводъ о томъ, дѣйствительны ли были мѣры, употреблявшіяся со времени устройства Кубанской линіи. Словомъ Новицкому ставилась широкая и трудная задача.

Раннею весною 1830 г. поручикъ выѣхалъ въ Анапу и приступилъ къ собиранію свѣдѣній о туземцахъ. Онъ еще ранѣе зналъ, что проѣхать черезъ владѣнія непокорныхъ горцевъ можно только подъ покровительствомъ аббатовъ и шеретлуковъ, принадлежавшихъ къ враждебнымъ намъ племенамъ адигэ и абадзе. Новицкій готовился къ предстоящей поѣздкѣ и ему было необходимо испросить разрѣшеніе у фельдмаршала, а главное получить необходимыя средства. Паскевичъ на его секретное письмо отвѣтилъ однимъ словомъ «спасибо», но, предвидя предстояшія опасности, отказался отъ официальнаго разрѣшенія, предоставивъ исполненіе предпріятія полной инициативѣ Новицкаго. Однако, тысячу рублей и нѣсколько часовъ съ азіатскимъ циферблатомъ были переданы смѣлому офицеру. Новицкій рѣшилъ поселиться у горцевъ аббаты-беслепей, убыхцевъ и шеретлуковъ, сумѣлъ сойтись съ ними и терпѣливо поджидалъ, когда кто-нибудь изъ туземцевъ предложитъ ему свои услуги. Наконецъ, одинъ изъ бесленеевцевъ сказалъ Новицкому: «Требуй отъ меня, чего хочешь, я ни въ чемъ не откажу тебѣ». Поручикъ отвѣчалъ: «я въ восторгѣ отъ разказовъ твоихъ объ удалствѣ адигэ и абадзе и потому желалъ бы видѣть ихъ патріархальный бытъ. Прошу тебя, доставь мнѣ удовольствіе видѣть лично жилища ваши, обычаи, а потому проводи меня по вашимъ землямъ». «Вижу теперь, воскликнулъ бесленей, я старый дуракъ, обманутый тобою, ты русскій офицеръ и, слѣдовательно, лазутчикъ, но слово, данное тебѣ, исполню». Переодѣтый горцемъ, Новицкій отправился въ путь по предгорьямъ, болѣе или менѣе параллель-

нымъ главному хребту. Въ тридцать дней онъ осмотрѣлъ перевалы по Убыху и Псекупсе, подвергаясь страшнымъ опасностямъ; его спасло только непомѣрное самообладаніе и преданность проводниковъ. Новицкій велъ путевыя записки, которыя и послужили данными, по которымъ онъ разрабатывалъ маршруты для экспедиціи противъ тѣхъ горцевъ, по землямъ которыхъ ѣхалъ. Кромѣ маршрутовъ, топографическаго очерка края и статистики черкесскихъ племенъ, Новицкій представилъ фельдмаршалу карту, снятую глазомѣрно и по разспросамъ дополненную съ показаніемъ границъ черкесскаго поселенія. За рекогносцировки Новицкій произведенъ въ капитаны и въ 1830 г. переведенъ въ генеральный штабъ. Проводники заплатились за свою поѣздку: родичи выжгли ихъ аулъ и перебили семьи. Сами они должны были бѣжать подъ русское покровительство.

Чтобы не остаться въ долгу передъ англичанами, скажемъ нѣсколько словъ и объ ихъ выдающемся рекогносцерѣ, полковникѣ Ральфѣ Коббольдѣ 4).

Полковникъ въ 1897—1898 гг., подъ предлогомъ охоты на дикихъ барановъ и другихъ звѣрей, разъѣзжалъ по русскому и афганскому Туркестану, заглядывалъ на русскіе Памирскіе посты, посѣщалъ гостепріимныхъ начальниковъ русскихъ отрядовъ и старательно разспрашивалъ какъ ихъ, такъ и сартовъ, таджиковъ и другихъ туземцевъ, объ ихъ чувствахъ къ русскимъ въ случаѣ англо-русскаго столкновенія. Хитрые азіаты, конечно, знали, какъ отвѣчать Коббольду. «Нерасположеніе и даже отвращеніе къ русскимъ, пишетъ онъ, я нашелъ у всѣхъ мусульманъ, киргизовъ и таджиковъ, и послѣднее (1898) андижанское возстаніе, конечно, его не ослабило. Нѣкоторые киргизы рассказывали мнѣ, что андижанскіе главари обращались за помощью къ Абдурахманъ-хану, эмиру афганскому, и даже къ англійскимъ агентамъ. Но самое любопытное для меня было слышать ожиданіе близкаго столкновенія русскихъ съ англичанами и готовность со стороны мусульманскаго населенія перейти на англійскую сторону». Коббольдъ ясно пришелъ къ убѣжденію, что великобританскому правительству слѣдуетъ озаботиться всяческимъ поощреніемъ путешествій англичанъ въ этомъ краю, не стѣняясь средствами. За обѣдомъ у ферганскаго губернатора, а также изъ бесѣдъ съ русскими офицерами Чарог-

4) Innermost Asia Travel and sport in the Pamiers. By Ralph P. Cobbold. 1900.

скаго поста, Коббольдъ уяснилъ себѣ, что планъ нападенія съ верхнихъ истоковъ Аму-Дарьи для захвата Бадахшана и Читрала уже выработанъ русскимъ правительствомъ и что русско-афганская граница у Маргелана при первомъ же подходящемъ моментѣ будетъ продвинута съ Гиндукуша.

Онъ убѣдился также въ томъ, что политическое шпионство особенно развито у Чарогскаго поста, что ежемѣсячная плата шпионамъ-таджикамъ 25 рублей и что обязанности ихъ сводятся къ наблюденію за движеніемъ между Кабуломъ, Читраломъ и Дильджджомъ. Кромѣ изданной полковникомъ книги для публики, сэръ Коббольдъ представилъ еще и объемистое секретное донесеніе о статистическихъ и топографическихъ подробностяхъ края. Особенно цѣнна составленная имъ карта.

Но всѣ секретныя командировки офицеровъ въ азіатскія страны, подъ видомъ путешественниковъ, купцовъ, корреспондентовъ, комми-вояжеровъ и т. п., являются, конечно, секретами полишинеля, притомъ секретами только для себя, такъ какъ находящіеся на службѣ чины дипломатическаго корпуса и консула, да и вообще всѣ европейцы, прекрасно понимаютъ истинную цѣль появленія этихъ таинственныхъ лицъ. Еще меньше можно ввести въ заблужденіе мѣстныхъ жителей, крайне любопытныхъ, а потому съ большимъ интересомъ слѣдящихъ за каждымъ шагомъ прїѣзжихъ европейцевъ; каждое движеніе послѣднихъ передается изъ устъ въ уста, комментируется на базарахъ мѣстными политиками и дѣятельность этихъ секретно командированныхъ офицеровъ, за весьма рѣдкими исключеніями, становится достояніемъ всѣхъ. Успѣшно выполнить секретную командировку можетъ только тотъ офицеръ, который настолько хорошо знаетъ мѣстные языки, нравы и обычаи, что рискнетъ углубиться въ полуварварскія страны подъ видомъ туземца. Но и въ этомъ случаѣ, конечно, необходима поддержка и соучастіе кого-либо изъ мѣстныхъ жителей, которымъ вообще довѣряться крайне опасно. Коварство, предательство у жителей всего средняго и дальняго востока явленіе самое заурядное и вообще за свою довѣрчивость европеецъ въ надлежащее и подходящее время въ недосыгаемой глуши подвергается глумленію, истязанію, пыткамъ и самой мучительной смерти.

Къ полусекретной дѣятельности офицеровъ, командируемыхъ въ некультурныя страны подъ прозрачными предлогами, можно причислить развѣдывательную дѣятельность на пользу своего оте-

чества тѣхъ офицеровъ, которые временно поступаютъ на службу во внѣевропейскія государства на должности военныхъ инструкторовъ въ армію и флотъ, офицеровъ жандармеріи, таможенными чиновниками и т. п. Исполняя свои прямыя обязанности, офицеры эти, конечно, съ одной стороны, не могутъ не записывать своихъ впечатлѣній и безъ сомнѣнія не въ правѣ отказывать командировавшему ихъ правительству въ собираніи необходимыхъ для своего отечества данныхъ на пользу политики родины. Первоначальныя положительныя спеціальныя свѣдѣнія о Турціи, Персіи, Афганистанѣ, Китаѣ, Японіи и т. п. дали безъ сомнѣнія европейскіе офицеры-инструкторы. Германцы начали свою инструкторскую дѣятельность въ Турціи въ началѣ девятнадцатаго столѣтія. Въ составѣ ихъ военной миссіи въ Константинополѣ находился прусскій офицеръ Мольтке, знаменитый потомъ побѣдитель французовъ. Ему было поручено прусскимъ правительствомъ собирать свѣдѣнія о Турціи и посылать отчеты не только своему начальству, но и русскому послу. Сопровождая султана Мамута въ путешествіи по Румеліи, прусскій офицеръ ежедневно тайнымъ путемъ посылалъ секретные рапорты прусскому и русскому посланникамъ. Эта переписка была, однако, открыта слѣдующимъ образомъ. Составленный по приказанію сераскира планъ укрѣпленій Дарданеллъ былъ разработанъ Мольтке при сотрудничествѣ другого прусскаго офицера, крайне обидѣвшагося тѣмъ, что Мольтке не подѣлился съ нимъ выданными Хамиль-пашею за работу деньгами и подарками. Помощникъ Мольтке явился къ Хамилю и чистосердечно рассказалъ о тайныхъ сношеніяхъ своего принцепала съ послами. Турецкое правительство не осмѣлилось вызвать открытаго скандала, но подъ благовидными предлогами удалило скоро прусскихъ офицеровъ одного за другимъ изъ Константинополя⁵⁾. Послѣдователи Мольтке, конечно, также работали на пользу родины до Гольцъ-паши включительно, такъ неудачно организовавшаго и плохо оцѣнившаго современную турецкую армію.

Англійскіе инструкторы въ томъ же духѣ работали въ турецкой арміи и флотѣ, въ Персіи въ составѣ миссіи военныхъ инструкторовъ, въ Афганистанѣ, Китаѣ и Японіи. Честно исполняя принятыя на себя обязательства до участія въ бояхъ (Устпнъ, Вильсонъ,

⁵⁾ Rousset. Les maîtres de la guerre—Moltke. Revue des Deux Mondes 1838, Decembre, article sur la mission prussienne à Constantinople.

Гоббартъ-паша и др.), англичане-офицеры освѣдомляли свое правительство крайне солидными и интересными данными о странахъ, на службѣ которыхъ состояли ⁶⁾).

Если секретныя командировки офицеровъ въ азіатскія государства необходимы для крупныхъ военныхъ задачъ, то современное напряженное состояніе вооруженныхъ европейскихъ народовъ требуетъ послышки опытныхъ специалистовъ для выясненія мелкихъ вопросовъ, составляющихъ въ совокупности цѣнную освѣдомленность о положеніи армій соперничающихъ государствъ.

Наполеонъ обыкновенно прибѣгалъ къ посылкѣ своихъ офицеровъ генеральнаго штаба, инженеровъ-географовъ, личныхъ ординарцевъ и даже генераль-адъютантовъ, непосредственно передъ задуманною имъ войною для развѣдокъ, необходимыхъ для составленія плана кампаніи. Въ переживаемое нами время вооруженнаго міра и постоянной готовности къ войнѣ эти командировки явились періодическою необходимостью. Всю сущность пользы секретныхъ посылокъ офицеровъ познали пруссаки. Передъ войною 1866 г. въ Австріи, въ особенности въ Богеміи, появилось очень много передѣтыхъ офицеровъ прусскаго генеральнаго штаба, а въ періодъ времени, предшествовавшій Франко-нѣмецкой кампаніи, тотъ же генеральный штабъ ⁷⁾ наводнилъ своими офицерами всѣ восточныя области Франціи: они промѣривали Марну подъ предлогомъ рыбной ловли удочкою, почти открыто крокировали окрестности Бельфора, Лангра. Одно очень высокопоставленное нѣмецкое лицо путешествовало въ Вогезахъ со своею дочерью, любившею заниматься живописью съ натуры въ гористыхъ мѣстахъ. Въ 1868 г. самъ Мольтке тайно ѣздилъ въ пограничную французскую полосу. Конечно, за нимъ было установлено наблюденіе, которое показало, что, начиная съ 9-го апрѣля 1868 г., прусскій полководецъ объѣзжалъ всѣ поля сраженія до Мозеля, прославившія впоследствии германское оружіе ⁸⁾).

Французы посылали также передъ 1870 г. своихъ офицеровъ въ Германію. Одинъ ихъ генераль Дево, вполне опытный и испытанный военный, вынесъ изъ своего личнаго путешествія даже заключеніе, что пруссаки будутъ непременно разбиты. Генераль Дюкро не упускалъ случаевъ командировать своихъ офицеровъ за гра-

⁶⁾ «Новое Время» 1880 г., № 1418.

⁷⁾ Leval. *Tactique des renseignements*, t., p. 73.

⁸⁾ Fromont. *L'espionnage*, pp. 106, 107.

ницу и предупреждалъ правительство о постоянномъ присутствіи нѣмецкихъ офицеровъ между Мозелемъ и Вогезами, напоминая объ аналогичныхъ дѣйствіяхъ пруссаковъ въ Богеміи въ 1864—65 гг. Но французское военное министерство, считая свою армію непобѣдимою, пренебрегало принятіемъ какихъ-либо мѣръ противъ безцеремонныхъ нѣмецкихъ развѣдчиковъ. Лишь въ теченіе кампаніи 1870—71 гг. французы, да и весь военный міръ, были изумлены тѣми результатами, которые нѣмцы извлекли изъ подробнаго и детального изученія театра военныхъ дѣйствій⁹⁾.

Само собою разумѣется, что послѣ войны секретныя командировки германскихъ офицеровъ за границу еще болѣе участились. Въ началѣ каждаго года начальники всѣхъ отдѣленій большого генеральнаго штаба докладывали начальнику генеральнаго штаба о необходимыхъ офицерскихъ развѣдкахъ. Самъ Мольтке разсматривалъ детально эти доклады и командировалъ за границу способныхъ офицеровъ, обезпечивая ихъ, не скупясь, необходимыми средствами изъ секретнаго фонда. Очень много этихъ тайныхъ рекогносцеровъ было схвачено; всякій читающій газеты навѣрно вспомнить, что почти во всякомъ номерѣ можно было найти сообщеніе о задержаніи того или другого германца. Но по этому можно только догадываться, какое число ихъ тайныхъ развѣдчиковъ выполнило возложенную на нихъ задачу. Приблизительно около 1885 г. во Франціи вспыхнула среди населенія паника, такъ какъ французы полагали, что рекогносцировки прусскихъ офицеровъ предвѣстіе войны. Газета «National» для успокоенія общественнаго мнѣнія говорила, что рвеніе германскаго генеральнаго штаба слишкомъ извѣстно, чтобы удивляться поѣздкамъ, предпринимаемымъ съ научною цѣлью. Но мы теперь отлично знаемъ безошибочность голоса народа—въ 1885 г. Франція дѣйствительно была на волоскѣ отъ войны.

Подражая германцамъ, всѣ арміи стали также дѣятельно изучать вѣроятные театры военныхъ дѣйствій, не пренебрегая средствами, въ числѣ которыхъ была и усиленная посылка за границу переодѣтыхъ офицеровъ. Въ періодъ наибольшей интенсивности ихъ дѣятельности очень многіе попались. Кельнская газета, во время, такъ называемаго, перваго Лейпцигскаго процесса, опубликовала цѣлый списокъ французскихъ офицеровъ, арестованныхъ въ Гер-

⁹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1896 г., № 5. «Двадцать пять лѣтъ назадъ». Баронъ Зеддлеръ.

мані, начиная съ 1875 г. Между ними названы слѣдующія лица: 1) морской офицеръ Реклю, арестованный во время поѣздки въ Киль и Стральзундъ и приговоренный къ пятинедѣльному тюремному заключенію за крокировку укрѣпленій безъ надлежащаго разрѣшенія. 2) Лейтенантъ Тиссо, приговоренный въ Страсбургѣ къ 3-лѣтнему заключенію. 3) Генераль Мирибель и его ординарецъ Писторъ, которыхъ арестовали, но не преслѣдовали. 4) Лейтенанты Летельфъ и Тома, заключенные въ крѣпость. Послѣдовали и другія разоблаченія. По словамъ одной англійской газеты, французскій военный министръ, генераль Тибодень, лично ѣздилъ переодѣтый простымъ инвалидомъ съ цѣлью ознакомиться съ юго-восточной границею, но долженъ былъ отказаться отъ путешествія, такъ какъ въ Лионѣ были въ поѣздѣ обнаружены два филирующіихъ его германскихъ переодѣтыхъ офицера.

Нужно все же отдать полную справедливость, что до послѣдняго времени наиболѣе умѣло дѣйствовали офицеры германскаго генеральнаго штаба. Но событія показали, что нѣмцы-дѣти по сравненію съ японскими офицерами, перенявшими и усовершенствованными нѣмецкіе развѣдывательные приемы. Ученики превзошли учителей.

Постепенно выясняется, что среди парикмахеровъ, мелкихъ лавочниковъ и другихъ промышленниковъ изъ японцевъ въ нашемъ намѣстничествѣ находилось значительное число офицеровъ, преимущественно специальныхъ родовъ войскъ, которые все что-то измѣряли, вынюхивали, разсчитывали съ тою аккуратностью и терпѣніемъ, которымъ мы всегда удивлялись, глядя на ихъ издѣлія слоновой кости, черепахи и т. п. Въ Портъ-Артурѣ, напримѣръ, ихъ было нѣсколько человекъ. «Пойдемъ въ главный японскій штабъ», шутили русскіе офицеры, отправляясь бриться въ японскую парикмахерскую, не подозрѣвая, сколько въ этой шуткѣ было правды. Одинъ англичанинъ, занимавшійся торговлею во Владивостокѣ, нанялъ приказчикомъ японца. Незадолго до войны послѣдній объявилъ хозяину, что долженъ оставить свое мѣсто. Но англичанинъ очень дорожилъ своимъ японцемъ и, начавъ уговаривать остаться, предложилъ увеличить жалованье втрое. Японецъ не согласился. Черезъ нѣсколько времени англичанинъ приѣхалъ въ Токио. Надо представить себѣ его удивленіе, когда на одной изъ улицъ онъ встрѣтилъ своего приказчика въ формѣ морского офицера. «Восточное Обозрѣніе» (№ 29—1904 г.) расска-

зываетъ, что въ одной изъ японскихъ парикмахерскихъ Владивостока имѣлъ мѣсто слѣдующій случай: русскій офицеръ оскорбилъ парикмахера, который въ гнѣвѣ заявилъ, что онъ такой же офицеръ. «Русское слово» цитировало слѣдующій фактъ: у одного казачьяго офицера былъ кучеръ-японецъ, съ которымъ онъ не церемонился. За два мѣсяца до войны кучеръ объявилъ, что долженъ уѣхать домой, и ночью таинственно исчезъ. Черезъ недѣлю казачій офицеръ поѣхалъ изъ Ляояна въ Тянь-Цзинь отвести душу и что же? Въ буфетѣ лучшаго изъ тамошнихъ отелей «Astor-haus» сидитъ японецъ-кучеръ, одѣтъ франтомъ, обѣдаетъ съ какими-то американскими дамами и пьетъ шампанское. Казакъ остолбенѣлъ и теръ себѣ глаза. Тогда японецъ всталъ и сказалъ: «Чтобы прекратить всякія недоразумѣнія, позвольте рекомендоваться—капитанъ генеральнаго штаба такой-то». Русскій не выдержалъ: «Ну... а насчетъ того, знаете, что я не особенно церемонился съ вами?» Японецъ улыбнулся: «Это ничего. Ради своего отечества я и не на то способенъ. Тутъ каждый ударъ заслуга!»

Японскіе офицеры не брезгали ни состояніемъ, ни положеніемъ, чтобы только выполнить задачу. Предварительно они изучали самымъ добросовѣстнымъ образомъ какое-нибудь ремесло и клали много труда для ознакомленія съ русскимъ языкомъ. Такимъ образомъ, у московскаго купца С. Смирнова на службѣ находился въ качествѣ лакея японецъ, передъ войной неизвѣстно куда скрывшійся. Побѣгъ японца хозяинъ объяснялъ тѣмъ, что въ послѣднее время «неважно обращался съ нехристомъ». Но среди вещей, оставленныхъ купцу подозрительнымъ японцемъ, особенное вниманіе обратили на себя книги, а въ особенности японско-русскій словарь, изданный въ Токио. Наибольшее мѣсто въ немъ занимали діалоги. Вотъ нѣсколько образцовъ ихъ: «Какъ зовутъ эту деревню?» «Приведите старосту». «Дай намъ проводника». «Оставляемъ вамъ больныхъ солдатъ» и т. п.

Отдавая должную дань японскимъ офицерамъ, нельзя, конечно, не признать, что огромную долю успѣха ихъ дѣятельности слѣдуетъ приписать той исключительной обстановкѣ, въ которой имъ пришлось работать. Прежде всего имъ сочувствовало туземное населеніе, среди котораго имъ особенно легко было скрываться. Облегчало также знаніе мѣстныхъ языковъ, нахожденіе торговли въ рукахъ ихъ соотечественниковъ, безопасность и малочисленность наша, непонятныя намъ особенности японскаго и ки-

тайскаго міровоззрѣнія, а главное подъемъ нравственнаго само-сознанія населенія всего Дальняго Востока въ сознаніи необходи-мой борьбы съ надвигающею силою Европы.

Въ Европѣ дѣло обстоитъ иначе. Каждое дѣйствіе вызываетъ, конечно, противодѣйствіе. Всѣ державы должны были принять рядъ мѣръ для борьбы съ развѣдчиками. Насколько стали подо-зрительны въ Германіи и Австріи, явствуетъ изъ двухъ недавнихъ арестовъ нашихъ соотечественниковъ капитана Костевича и инже-нера Алехина, принятаго также за переодѣтаго офицера. По до-вольно шаткому подозрѣнію въ побужденіи нѣкоего Никольскаго, служащаго на частномъ заводѣ Эргардта, къ выдачѣ нѣкоторыхъ детальныхъ чертежей, офиціально командированный русскимъ пра-вительствомъ въ Германію, Францію и Англію—капитанъ гвар-дейской артилеріи Костевичъ былъ схваченъ въ Берлинѣ и бро-шенъ въ Моабитскую тюрьму. Но еще ужаснѣе поступила австрій-ская полиція съ инженеромъ путей сообщенія Алехинымъ. Онъ былъ арестованъ въ Вѣнѣ по подозрѣнію въ шпионствѣ и выдер-жанъ въ тюрьмѣ ровно два мѣсяца. Администрація тюрьмы отно-силась къ нему съ возмутительною строгостью, требовала испол-нять черную работу; кормила первыя двѣ недѣли только хлѣбомъ и водою, а низшіе служащіе позволяли себѣ побои. Всякое сооб-щеніе съ внѣшнимъ міромъ было воспрещено и относительно аре-ста не было увѣдомлено ни русское посольство, ни консульство.

Такими суровыми мѣропріятіями державы тройственнаго союза, конечно, хотятъ отбить охоту у иностранныхъ офицеровъ вести тай-ную развѣдку.

Относительно этихъ секретныхъ командировокъ извѣстный пи-сатель Бронзаръ фонъ-Шеллендорфъ говоритъ слѣдующее ¹⁰⁾: «Прежде всего надо стараться привлекать на себя возможно мень-ше вниманія и въ особенности не нарушать законовъ страны. За-мѣтимъ къ слову, что во всѣхъ странахъ одинаково запрещаются по-пытки подкупа служащихъ и не позволяется производить съемокъ крѣпостей и т. п. Но законы не запрещаютъ дѣлать исправленія су-ществующихъ картъ, ибо иначе самый невинный туристъ можетъ быть поставленъ въ самое ужасное положеніе. Чѣмъ, однако, мень-ше имѣешь права смотрѣть на себя, какъ на туриста, тѣмъ болѣе слѣдуетъ быть осторожнымъ въ своихъ поступкахъ и поведеніи.

¹⁰⁾ Bronsart von Schellendorf. Le service d'Etat-Major, t. 1, pp. 374—376.

Рекогносцировка иностранной крѣпости можетъ быть вообще произведена лишь поверхностно. Слѣдуетъ заранѣе знать исторію крѣпости, притомъ возможно подробнѣе, и изучить тщательно уже имѣющіеся планы и чертежи. Всѣ эти документы должны находиться въ центральномъ развѣдывательномъ отдѣленіи арміи.

Всѣ производимыя офицерами секретныя развѣдки должны быть ориентированы по мѣстнымъ предметамъ и имѣть цѣлью дополнить существующія свѣдѣнія и выяснить происшедшія перемены. Такимъ образомъ, рекогносцируя крѣпость, надо меньше всего заботиться о чертежахъ и планахъ, а сосредоточивать все свое вниманіе на одеждѣ укрѣпленій, на ихъ видѣ, на нутяхъ сообщенія, водныхъ системахъ, на работахъ, произведенныхъ внѣ ограды, а также собрать данныя объ артилерійскомъ вооруженіи, о магазинахъ, о закрытіяхъ и пр. Надо постараться узнать, были ли произведены какія-либо измѣненія и не приступлено ли къ передѣлкамъ, вызываемымъ усовершенствованіями военнаго искусства, не возведено ли отдѣльныхъ новыхъ и самостоятельныхъ фортовъ, постройка которыхъ можетъ измѣнить взгляды, благодаря которымъ намѣченъ наиболѣе удобный для атаки фронтъ. Необходимо также прослѣдить службу войскъ гарнизона, дабы придти къ заключеніямъ объ арміи.

Слѣдуетъ, кромѣ того, избѣгать дѣлать слишкомъ быстрыя заключенія о войскахъ, съ которыми имѣешь лишь поверхностное дѣло. Чтобы завоевать себѣ право высказать сужденія объ арміи, надо долго съ нею жить, дѣйствительно понять и оцѣнить ее и ея обычаи. Только въ такомъ случаѣ можно будетъ дать себѣ ясный и здравый отчетъ объ ея достоинствахъ и духѣ. Одинаково полезно помнить, что наблюдатель впадаетъ въ серьезную ошибку, если предъявить ей требованія, къ которымъ онъ привыкъ у себя. Военныя законоположенія каждой арміи должны находиться въ постоянномъ и строгомъ согласіи съ обычаями и устройствомъ страны, а также съ характеромъ населенія.

Другой, не менѣе уважаемый, писатель Рюстовъ говоритъ: «Державы, желающія быть готовыми отразить вторженіе непріятеля или имѣющія въ виду намѣреніе вести наступательныя операціи, должны поощрять путешествія своихъ офицеровъ за границу для изученія иностранныхъ армій. Надо, однако, чтобы мѣста путешествій были разумно распредѣлены и чтобы командировались вполнѣ подходящія лица. Было бы совершенно излишне посылать офице-

ровъ, недостаточно знающихъ свое ремесло, чтобы дѣлать необходимые выводы, и не владѣющихъ языкомъ страны, куда ѣдутъ. Они будутъ поражены второстепеннымъ, выведутъ заключеніе по обѣдамъ, на которыхъ ихъ постараются оглушить, и не обратятъ вниманія на дѣйствительно важное. Къ несчастью, часто выборъ дѣлается неудовлетворительно, что слѣдуетъ отнести къ протекціи и экономіи. Для такихъ командировокъ избираются богатые люди, чтобы сберечь государству какую-нибудь сотню тысячъ денегъ, думая, что такое лицо произведетъ работу безъ расходовъ для казны. И въ этомъ отношеніи обыкновенно ошибаются, такъ какъ богатые часто болѣе расчетливы, чѣмъ бѣдные. Желательно, чтобы начальство избирало для командировокъ достойныхъ офицеровъ и не было скупы въ отношеніи къ нимъ, помня, что самый расчетливый человѣкъ не можетъ жить во время путешествія на тѣ же средства, какъ дома».

Развѣдывающій долженъ сообщать лишь точно проверенные факты. Если это невозможно, необходимо оговариваться, что доставляемое свѣдѣніе—слухъ или предположеніе. Отправляясь въ командировку, надо, конечно, хорошенько ознакомиться съ предметомъ. Затѣмъ, дать какія-либо указанія, какими пользоваться споровками при исполненіи секретнаго порученія, конечно, нельзя. Все заключается въ скрытности, доведенной до обмана. Пишите пейзажи, посѣщая расположенія войскъ, говорите о фабричномъ производствѣ въ районѣ крѣпости и довольствуйтесь, какъ иностранецъ, слушать, когда вамъ придется столкнуться съ однимъ изъ тѣхъ болтуновъ, которые говорятъ обо всемъ, все знаютъ. Такой человѣкъ лучше исполнить вашу обязанность, чѣмъ вы сами.

Фридрихъ Великій сказалъ: «На войнѣ надо соединять храбрость льва съ хитростью лисицы». Хитрость удастся тамъ, гдѣ сила потерпитъ пораженіе. Необходимо потому пользоваться обѣими. Это лишняя тетива въ лукъ и если часто сила сопротивляется силѣ то часто также поражается хитростью.

Впрочемъ и во время секретныхъ рекогносцировокъ офицеры прусскаго генеральнаго штаба проявляютъ необыкновенную храбрость и находчивость. Однажды, послѣ кампаніи 1870—71 г., флотскій лейтенантъ, снабженный разрѣшеніемъ, подписаннымъ французскимъ военнымъ министромъ, осматривалъ во всѣхъ отношеніяхъ фортъ С.-Валеріанъ. Комендантъ по пропускѣ моряка

для вѣрности протелеграфировалъ военному министру, немедленно отвѣтившему приказомъ арестовать посѣтителя. Но переодѣтый во французскій мундиръ офицеръ прусскаго генеральнаго штаба уже скрылся.

С. Черновубобъ.

